

А.А. Федоров-Давыдов

Под боевой грозой

Рассказы и очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
А11

А11 **А.А. Федоров-Давыдов**
Под боевой грозой: Рассказы и очерки / А.А. Федоров-Давыдов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 98 с.

ISBN 978-5-458-09444-3

С рисунками в тексте

ISBN 978-5-458-09444-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

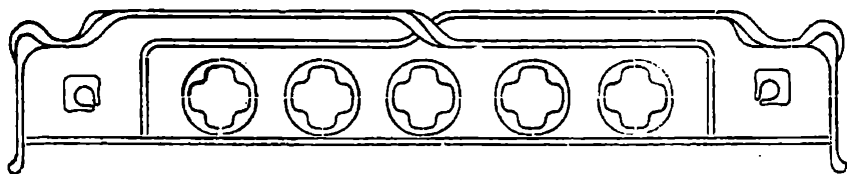
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАТЬ.

I.

БЫЛА Лукерья на богомольѣ; сподобилъ ее Богъ въ Кіевѣ побывать, душу облегчить молитвой; накупила она тамъ образковъ, масла „свяченаго“, крестиковъ,— и пошла домой съ богомольцами черезъ поля, лѣса, холмы и доли. Идетъ полями широкими,— кругомъ народъ на поляхъ радѣетъ,— и бабы, и дѣвушки, и ребята-малолѣтки— всѣ за работой. Кто жнетъ да снопы вяжетъ, кто снопы въ крестцы кладетъ. Только диковинно Лукерья, что мужиковъ мало на поляхъ видать: все бабы да ребята малые, либо старики древніе... Что за притча?.. И какъ завидѣла Лукерья работу спѣшную,— сердце-то у нея и отревожилось. То все—ничего было, спокойно было за молитвой, — а какъ

увидала, что народъ на работу вышелъ,— такъ и не сдержать сердца. Вотъ бы взяла да и полетѣла бы, и полетѣла туда, къ своимъ, могла бы имъ по силѣ-возможности... Все ли по добру у нихъ тамъ?..

И другія богомолки идутъ съ ней и дивуются:

— Чтой-то, бабоньки, мужиковъ въ полѣ мало видать?.. Съ чего бы это?..

Къ тому, къ другому въ полѣ толкнулись,— а тѣ и говорятъ:

— Да вы отколь бредете-то, старицы Божіи?.. Али не знаете: кликнули тутъ кличъ,— наши мужики и пошли въ городъ...

— А почто такъ?

— Почто?.. Война, слышь,— такъ на войну народъ и созываютъ, и тѣхъ, которые помоложе, и которые въ запасѣ были...

У Лукерья такъ сердце и замерло, и ноги подкосились. Мутно въ глазахъ-то стало,—ничего не видать изъ-за слезъ непрошенныхъ... „И Сенюшку, значить, и Васютку, поди, забрали... Одинъ запасной, а другому года вышли. Старшаго-то, сына, Петра, давно забраковали, и въ Питерѣ онъ теперь сколько лѣтъ пропадаетъ, а за него младшимъ итти надо!..

И не можетъ Лукерья терпѣть больше... Вотъ

такъ бы птицей туда и полетѣла бы,—хоть бы напоследокъ Сеню и Васютку благословить, попрощаться.. Ихъ, можетъ, Господь упасетъ, а ей ихъ все равно не дожидаться,—года такіе!..

Достала Лукерья платокъ, гдѣ въ уголкѣ деньги завязаны были. Пересчитала деньги: выходитъ,—на чугунокъ можно бы доѣхать.

— Далеко ли до чугунокъ?—спрашиваетъ.

— Недалеча,—говорятъ,—да нечего зря итти на чугунокъ: все равно не посадятъ,—потому поѣзда подъ солдатъ взяли..

Ничего не сказала Лукерья,—собралась съ духомъ и пошла путемъ-дорогой скорымъ-скорешенько: „Донеси только, Господи, до дому!..“

II.

Уже сѣвъ начали, какъ вернулась домой Лукерья. И тутъ печали увидѣла не мало,—а было чему и порадоваться.

Первое дѣло, чуть что не со всякаго двора—у кого отца, у кого мужа, у кого брата призвали въ войска,—и пусто, вовсе пусто на деревнѣ стало... А другое дѣло,—всѣ какъ-то дружиѣ и ласковѣ стали. Словно одна семья,—всѣ въ куечкѣ. Сообща и горюють, сообща и всю работу

на поляхъ справляютъ. Лёнкина ли полоска, Грпшкинъ ли косякъ, Васенныхъ ли добро,— у всѣхъ къ ряду хлѣбъ убираютъ, словно свой, и считается работой не думаютъ...

— Ушли за насъ воевать ратнички Божіи,— ужли же намъ ихъ дѣтямъ-малолѣткамъ не подсобить!..

Такъ міромъ всѣ и работаютъ!..

Не застала Лукерья и своихъ дѣтей,—ушли они вмѣстѣ съ другими съ недѣлю тому назадъ...

Сильна была духомъ Лукерья. Вынесла испытаніе Господне,—не возрптала, а собрала, что было, муки, напекла лепешекъ да колобашекъ, уклала въ мѣшокъ, забрала какія деньги были и собралась въ путь-дорогу.

— Куда, бабушка Лукерья? — спрашиваютъ старуху.

— А въ Москву, господа честные... Сынковъ повидать, попрощаться съ ними да благословить. Чай, не увижу ужъ ихъ больше,—года-то моп не молодые!..

— Да гдѣ же ты ихъ тамъ разыщешь?— дивятся на нее.

— Ну, поди, люди добрые укажутъ... Я что жъ,—только благословить да попрощаться... А вернусь,—вамъ подсоблять буду!..

— Да ты подожди,—можетъ, они вѣсточку тебѣ пришлютъ.

— Куда тамъ ждать, родимые. Этакое ли время нонче!..

И пошла въ путь-дорогу Лукерья,—идеть торопко, устали не знаетъ. Время-то не ждетъ. И все ей кажется,—придетъ на Москву, войско царское разыщетъ да вызоветъ къ себѣ Сеню съ Васей. Хоть разочекъ бы на нихъ посмотрѣть только!.. Она и до царя дойдетъ, ради такого дѣла...

Добрела Лукерья до Москвы еле-еле... Не ближній свѣтъ, да и силы не тѣ, что прежде были: ноги-то словно чужія теперь,—не больно ее слушаться стали!..

На постояломъ остановилась, пошла по городу,—и тутъ сразу духомъ упала... Народу, народу вездѣ—пропасть,—и туда, и сюда бредутъ и ѣдутъ,—и никому-то до тебя дѣла нѣтъ, и ни отъ кого толку не добиться!.. А крику, а гаму,—въ ушахъ звенить.

Стоить Лукерья посередѣ площади,—вся съежилась и сквозь слезы по сторонамъ поглядываетъ.

— Ну, Москва!.. Точно,—деревня большая!..

Тутъ одинъ къ ней подошелъ, другой...

— Что ты, бабушка, на мѣстѣ топчешься?.. Задавятъ тебя тутъ!.. Куда тебѣ надобно?

— А къ войску Россійскому... Гдѣ солдаты-то стоятъ, кормилецъ?..

— Какіе солдаты?..

— А извѣстно, царевы ратнички...

Не понимаютъ люди...

— Какого полка-то, бабушка? Али въ какихъ казармахъ стоятъ?..

— А кто жъ ихъ знаетъ, родимый... Сыночковъ-двоешекъ у меня взяли, какъ я на богомольѣ была, да сказываютъ,—увезли сюда, стало быть, на Москву... Я вотъ ихъ провѣдать и пришла,—попрощаться, значить, да благословить...

Качаютъ люди головами:

— Ну, бабушка, мудрено будетъ тебѣ ихъ отыскать. По разнымъ городамъ солдатъ-то рассылаютъ...

— По ра-азнымъ?.. Вонъ оно что!..

И задумалась Лукерья. На глазахъ-то—слезы,—не сама плачетъ, сердце материнское слезами горькими исходитъ... Подумала, подумала и словно про себя сказала раздумчиво:

— Воля-то Господняя что значить!..

И вздохнула глубоко-глубоко. А потомъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ тутъ солдаты-то поблизости стоятъ?

— А вонъ, говорятъ, домъ большой,—учили-

ще... Тутъ они на стоянкѣ и стоятъ, своей очереди дожидаются...

Перешла Лукерья площадь, подошла къ рѣшеткѣ, что вокругъ двора шла,—и точно: сидятъ солдаты кругомъ—и у воротъ, и у рѣшетки. Кто вещи свои носить съ подводы, кто другъ съ другомъ разговоры ведетъ.

Подошла Лукерья къ солдатамъ:

— Голубчики, соколики мои... Вы на войну, что ли?..

Оглянулъ старуху молодой солдатъ.

— На войну, бабушка... А тебѣ что? Али кого надо?..

— Надо, соколикъ,—сынковъ своихъ провѣдать пришла!..

И сейчасъ же двое-трое солдатъ еще подошли, окружили Лукерью.

— Тебѣ, мамаша, сына вызвать? А фамилія какъ? Я сейчасъ добѣгу, коли что?..

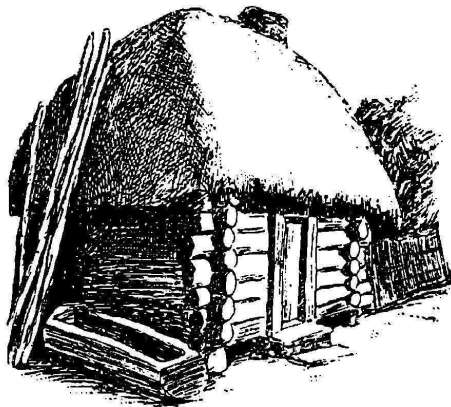
Заморгала глазами Лукерья, смахнула слезы, и говорить:

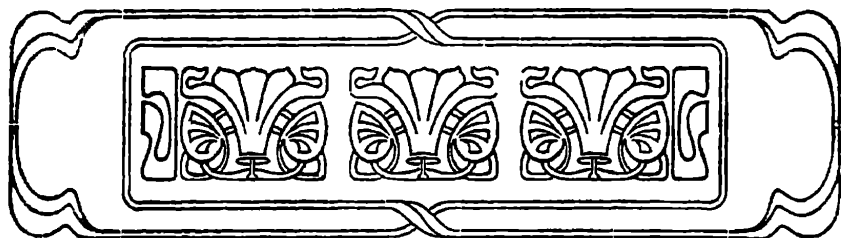
— Ужъ гдѣ тамъ, родимые, отыскать ихъ?.. Благослови ихъ Господь и безъ меня... А у васъ, чай, матери-то по деревнямъ остались... Вотъ... Такъ я въ родѣ, какъ мать—замѣсто ихъ васъ провѣдать пришла!.. На-ко, вотъ...

И стала Лукерья дрожащими руками развязывать мѣшокъ,—стала вынимать изъ мѣшка лепешки да колобашки и солдатамъ передавать. И кто ни возьметъ у нея лепешку,—отвернется въ сторону, ладонью по глазамъ проведетъ и перекрестится... И тихо-тихо кругомъ: всѣ словно притаились и ждутъ чего. Ни шутокъ, ни смѣха не слышать.

Опростала мѣшокъ Лукерья, поклонилась солдатамъ, перекрестилась дрожащей рукой.

— Ну... и благослови васъ, Господь, сыночки. А Сенюшку съ Васяткой, можетъ, кто изъ вашихъ и безъ меня благословить... Материнское то благословеніе Богу угодно...

РАНЕНЫЙ.

ДЯДЯ Федя былъ штабсъ-капитанъ въ от-
ставкѣ и, несмотря на то, что ему было
уже за 60 лѣтъ, — всегда страшно увле-
кался войной. А когда начались военные дѣй-
ствія, — его узнать нельзя было: цѣлые дни чи-
таетъ газеты, возится съ картами, чертитъ какіе-
то мудреные планы.

Своему маленькому племяннику, Котѣ, кото-
рый всегда съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на „дя-
дю капитана“, старикъ подарилъ больше дюжины
коробочекъ съ оловянными солдатиками и ска-
залъ:

— Ну, вотъ, теперь мы съ тобой можемъ дѣ-
лать примѣрныя расположенія войскъ и произво-
дить битвы...